

ВАСИЛИЙ СИДОРОВ

РАСШИФРОВАННЫЙ БУЛГАКОВ

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ ЭПОХИ ГЕРОЕВ
«МАСТЕРА И МАРГАРИТЫ»
И «СОБАЧЬЕГО СЕРДЦА»

МОСКВА

2022

УДК 94(47+57)
ББК 63.3(2)62
С34

В оформлении переплета использована фотография
М. С. Наттельбаум

Сидоров, Василий Григорьевич.
С34   Расшифрованный Булгаков. Повседневная жизнь эпохи героев «Мастера и Маргариты» и «Собачьего сердца» / Василий Сидоров. — Москва : Эксмо : Яуза, 2022. — 416 с. — (Расшифрованная литература).

ISBN 978-5-04-166701-6

Это первая книга об эпохе героев, созданных талантом величайшего писателя Михаила Булгакова. О мире, в котором жили и сам автор, и герои его произведений — Мастер и Маргарита, профессор Преображенский, доктор Борменталь, Швондер, Шариков, Наташа, Зина, Дарья Петровна и другие. О том, в каком городе они обитали, что ели и пили, какую одежду носили, в каком транспорте ездили, как пользовались отопительными колонками, угольными лампами и бритвенными ремнями...

Даже не все профессиональные историки смогут ответить на эти вопросы: слишком многое изменилось, многое просто забылось. Читаем «Мастера и Маргариту» и «Собачье сердце», а видим совершенно не то, что изображал Булгаков, или просто этого не замечаем. Москва 30-х годов XX века абсолютно не похожа на современную. Окажись в ней даже москвич, хорошо знающий свой город, он бы его не узнал. Да и сам Михаил Афанасьевич совершенно незнаком современному читателю, хотя его гениальные произведения давно стали настольными книгами, разошлись на цитаты и входят в школьную программу.

УДК 94(47+57)
ББК 63.3(2)62

ISBN 978-5-04-166701-6

© Сидоров В.Г., 2022
© ООО «Издательство «Яуза», 2022
© ООО «Издательство «Эксмо», 2022

*Все пройдет. Страдания, муки,
кровь, голод и мор. Меч исчезнет,
а вот звезды останутся, когда и тени
наших тел и дел не останется на
земле. Нет ни одного человека, кото-
рый бы этого не знал. Так почему же
мы не хотим обратить свой взгляд
на них? Почему?*

М. А. БУЛГАКОВ

ВВЕДЕНИЕ

*Однако умные люди на то
и умны, чтобы разбираться
в запутанных вещах.*

М. А. БУЛГАКОВ

Эта книга — об эпохе героев, созданных талантом Михаила Афанасьевича Булгакова. О городе, в котором жили Мастер и Маргарита.

С момента выхода в свет роман имел самый оглушительный успех, сделался настольной книгой слоя, называющего сам себя интеллигенцией.

Сбылось предсказание архиепископа Сан-Францисского Иоанна в предисловии к парижскому изданию: роман «Мастер и Маргарита» будет в центре внимания писателей, критиков, публицистов и ученых... «О книге Булгакова будут писать, и о ней нелегко будет писать тем, кто станет писать»¹.

Ведь «Михаил Булгаков унес из этого мира тайну творческого замысла своего главного произведения». Он создал роман «сложный, с ветвистой, плюралистической тематикой... построен в ключе фантастики, острой сатиры и умной русской иронии». К тому же в романе совершена «острая маскировка автора (вынужденного к этому условиями жизни)».

---

¹ Булгаков М. А. Мастер и Маргарита. — Париж, 1967. С. 9.

Василий Сидоров

Все верно. До сих пор спорят и спорят о том, что же хотел сказать Булгаков.

Более того... Мы явно не все понимаем. В том числе даже и политические реалии. Когда я первый раз читал роман, в 1978 году, мне, студенту-историку, был совершенно непонятен намек на посетителя бала Сатаны, который велел «обрызгать стены кабинета ядом». Ведь подробности политических баталий 1930-х в СССР 1970-х были известны... ну самое большее несколькими сотням человек.

Но непонятны и чисто бытовые подробности. Множество людей уверяли меня, что в «Мастере и Маргарите» оживают именно 1920-е годы: ведь позже в Москве никак не могло быть извозчиков. А они были вплоть до 1950-х годов.

Такой образованный человек, как Владимир Солоухин, был уверен: Булгаков «рассказывает о писательском ресторане, но это лишь камуфляж, не случайно тут прошедшее время. Никаких таких писательских ресторанов в 1929 году (время действия романа) в Москве уже не было и быть не могло»¹.

Ошибочка. Рестораны в Москве были и в 1929 году, и много позже. В том числе и роскошные.

Многokrатно упоминается толстовка... Но это совсем не та одежда, которая сегодня так называется.

Трамвай... А ведь трамваи в эпоху Булгакова были совершенно не такими, как современные.

Кот прыгает на «заднюю дугу» трамвая. Что такое трамвайная дуга?

В ванной комнате, в топке колонки тлеют угли... Откуда они там взялись и что такое вообще эта колонка?

В той же квартире упоминается еще «угольная лампочка». А что такое угольная лампочка? Чем она отличается от не угольной?

Даже такая вот мелочь: упоминается «бритвенный ре-

---

¹ Солоухин В.А. При свете дня. — М., 1992.

Расшифрованный Булгаков

мень». Упоминается мимоходом, как мелкая бытовая деталь. А что это такое? Для чего нужен бритвенный ремень и какое отношение он вообще имеет к бритвам?

Даже не все профессиональные историки смогут ответить на эти вопросы: слишком многое изменилось, многое просто забылось. Читаем роман — а видим совершенно не то, что изображал писатель. Или вообще не замечаем.

Действие «Мастера и Маргариты» разворачивается в Москве. Но ведь и Москва 1929-го или 1932 года совершенно не похожа на современную. Окажись в ней даже москвич, хорошо знающий свой город, он бы его не узнал.

Собственно, и сам Михаил Афанасьевич не слишком знаком современному читателю.

Эпохи Булгакова

К сожалению, нет такого понятия — эпоха Булгакова. «Москва Булгакова» — есть, а вот эпохи Булгакова — нет. Вот эпоха Николая II — пожалуйте. Эпоха Гражданской войны — пожалуйте. Эпоха НЭПа. Эпоха Сталина.

Давая названия, мы признаем Николая и Сталина знаменами эпохи, а Булгакова — не признаем.

Притом что есть понятие — эпоха Шекспира¹. Великий драматург жил в Англии, где сменяли друг друга Генрих VIII, его дочь Елизавета I, Яков I. А эпоха — Шекспира.

Эпоха Пушкина — тоже нечто классическое. Маленький Пушкин в 1801 году вряд ли много понимал в год убийства Павла I. Но свое мнение о том имел, плохо относился к «незаконному» «отцеубийце» Александру I, был лоялен к законно воспрившему престол Николаю I.

Все три монарха жили в эпоху Пушкина.

---

¹ Годы жизни Шекспира: 1546—1616. Годы признания и славы, собственно «шекспировская эпоха» — самый конец XVI и начало XVII века.

Василий Сидоров

Понятия «булгаковская эпоха» нет. Может быть, потому, что жил Михаил Афанасьевич в страшное, кровавое время. Может быть, потому, что очень уж разные были пережитые им «эпохи». Михаил Афанасьевич был свидетелем колоссальных подвижек бытия.

Распад СССР называют «самой страшной геополитической катастрофой XX века». Ха-ха! На глазах Михаила Афанасьевича рухнула Российская империя. Масштаб потрясения не стоит и сравнивать.

В огне мировой войны весь привычный мир образованного слоя Европы рухнул, развалился, разбился вдребезги.

Михаил Афанасьевич пережил Гражданскую войну.

Пережил 1920-е годы — смутные, кровавые, сюрреалистичные... Годы, порой напоминавшие кошмар после слишком плотного ужина.

Он видел становление сталинского СССР, отличавшегося от «эпохи Ленина и Троцкого» больше, чем эпоха Брежнева от эпохи Сталина.

Михаил Булгаков дожил до начала Второй мировой войны. Ему исполнился всего 41 год, когда Япония начала войну в Китае. Всего 47 лет в годы раздела тогдашней Чехословакии, всего 48 лет, когда танки вермахта соединились в Бресте с танками РККА.

Он совсем немного, чуть больше года, не дожил до 22 июня 1941 года.

Но и так на судьбу писателя пришлось многовато «эпох». Только одна из этих эпох и только одно место на земле прочно связывается с Булгаковым — Москва 1920-х годов.

Книга не претендует на «точное знание», что хотел сказать Михаил Афанасьевич, что он имел в виду и как надо понимать «Мастера и Маргариту». По России бегают толпы «знатоков», каждый из которых точно знает ответы на эти вопросы. Книг, претендующих на точнейшее знание об этом, написано море... на некоторые из них я сошлюсь.

Расшифрованный Булгаков

Но это — скромная книга. Она будет полезна тем, кто не претендует на абсолютное знание всего на свете... В том числе на знание сокровенных мыслей Булгакова.

Она написана о мире, в котором жил и автор, и герои его произведений. В каком городе они обитали, как ели и пили, что надевали, в каких трамваях ездили, как пользовались колонками, угольными лампочками и бритвенными ремнями.

ЧАСТЬ I
КТО НАПИСАЛ
«МАСТЕРА И МАРГАРИТУ»

Вы понимаете, как может ненавидеть человек, который знает, что ничего не выйдет, и который должен делать?

М. А. БУЛГАКОВ

ГЛАВА 1
ЧЕЛОВЕК ИЗ МИРА,
КОТОРОГО БОЛЬШЕ НЕТ

*Пропал Ершалаим — великий город,
как будто не существовал на свете.*

М. А. БУЛГАКОВ

Мир, породивший Булгакова

Судьба самого Михаила Афанасьевича (1891—1940) вполне обычна для его эпохи и для людей его круга. И в то же время простое описание событий жизни Михаила Афанасьевича выглядит как приключенческий роман.

Родился писатель в другой цивилизации — в Российской империи. Родился в семье доцента (с 1902 года — профессора) Киевской духовной академии, Афанасия Ивановича Булгакова (1859—1907). Сын сельского священника, внук крестьянина, Афанасий Иванович был личностью незаурядной. Кроме древних языков, владел английским (выученным, видимо, самостоятельно), французским и немецким языками.

Обладал обширными знаниями в самых разных сферах. Был очень терпим к мнению других, даже противоположному его собственному. За последние 20 лет жизни написал

более 10 богословских книг, — хорошо написанных, интересных¹.

Владимир Солоухин сравнивал талант с огоньком, бегущим по бикфордову шнуру... «Вероятнее всего талант накапливается по капельке, передаваясь по наследству, от колена к колену, как цвет волос, черты лица или характера. Он пробирается по родословной, как огонек по бикфордову шнуру, чтобы однажды, в каком-нибудь там поколении, разразиться ослепительным взрывом. Он мог не проявляться в предыдущих коленах, но не проявившиеся крупницы его все равно передавались дальше и копились, копились, дожидаясь своего проявления»².

Да... Вот бежит НЕЧТО из поколения в поколение, пока не взорвется... Булгаковым, например.

Здесь видно именно это: несомненная литературная одаренность отца. И таланты предков по матери, преподавательницы женской прогимназии, Варвары Михайловны, в девичестве Покровской (1869—1922). Оба ее брата были врачами, причем Николай Михайлович имел большую практику в Москве и хорошо зарабатывал.

Судя по всему, Николай Михайлович послужил прототипом или одним из прототипов профессора Преображенского.

Фамилию же бабушки по матери, Анфисы Ивановны Турбиной (1835—1910), он использовал как фамилию своих героев.

Внешне события жизни семьи обычны, даже заурядны.

Рождение братьев и сестер.

Смена квартир, завершившаяся в 1907 году въездом в знаменитую квартиру № 2 по адресу: Андреевский спуск, 13.

---

¹ Яновская Л. Последняя книга, или Треугольник Воланда. — М.: ПРОЗАиК, 2013.

² Солоухин В.А. Письма из Русского музея. — М.: Советский писатель, 1972.

Василий Сидоров

Покупка дачи в Бучах, под Киевом.

Смерть Афанасия Ивановича от нефросклероза в 1907 году.

Знакомство 7-летнего Миши Булгакова с приехавшей в Киев на каникулы дочерью управляющего Казенной палатой, гимназисткой из Саратова Татьяной Николаевной Лаппа.

Старший сын Афанасия Ивановича и Варвары Михайловны проявлял явные способности к языкам, прекрасную память, был умен. Он очень много читал. В восьмилетнем возрасте прочел роман В. Гюго «Собор Парижской Богоматери».

В семилетнем возрасте написал роман «Похождения Светланы».

Но даже и это, в конце концов, события не исключительные. Дураком мальчику быть не в кого. Знание языков для людей его круга — культурная норма. Другой культурной нормой в интеллигентных семьях было много читать. Если ребенок прочитал Гюго или «Войну и мир» — это поощрялось, этим гордились. Автор сих строк прочитал «Войну и мир» в 13 лет. Не понял почти ничего, но взрослые принимали это как «достижение». Даже откровенно большие вещи Достоевского «полагалось» прочитать как можно раньше.

Писать стихи, рассказы, порой и романы, тоже пробовали многие. Еще раз сошлюсь на собственный опыт: я написал роман о приключениях некоего профессора в первобытном обществе в возрасте 10 лет. Жалею, что этот бред, записанный в тетрадке по математике, куда-то потерялся в переездах.

Чаще всего это детское творчество никакого продолжения не имеет.

Формальное образование тоже не показывает нам гения.

Первая киевская гимназия окончена Булгаковым хорошо (в 1909 году), но не блестяще. Всего две «пятерки»: по Закону Божьему и по географии.

Студент медицинского факультета Киевского университета тоже не в числе самых первых. Сам выбор медицины — явно по примеру дядек по матери, стремление иметь работу, которая всегда прокормит.

Расшифрованный Булгаков

Весной 1913 года, когда полным ходом шли приготовления к свадьбе, неожиданно выяснилось, что невеста беременна. Жених с невестой решили, что заводить детей им не время — сначала Михаилу надо окончить университет. Возможно, Михаил Афанасьевич еще не хотел передать следующим поколениям неизлечимую болезнь почек. Все деньги, присланные Николаем Николаевичем Лаппой, отцом Татьяны, на свадебные расходы, потратили на... скажем так, на медицинское вмешательство.

Судя по всему, что мы знаем, врач он был очень ответственный, надежный, знающий... Но нельзя сказать, что блестящий. Не тот врач, «на которого молятся».

Не будь Катаклизма, что ждало его, 31 октября 1916 года получившего диплом, утверждавший 25-летнего человека «в степени лекаря с отличием со всеми правами и преимуществами, законами Российской Империи сей степени присвоенными»?

Наверное, Михаила, тогда еще почти не Михаила Афанасьевича, не ждало ничего скверного. Работал бы врачом, постепенно приобрел бы и дом. Завел бы детей и внуков, применял бы кипучую энергию на общественное благо, как делал его отец.

Скорее всего, и писать бы начал рано или поздно.

Но не произойди Катаклизм, неизвестно еще, во что обрзовался бы его талант. Не было бы ни страшного города, захваченного жуткими полулюдьми. Города, где «дешева кровь на червонных полях, и никто выкупать ее не будет. Никто».

Не написалось бы и знаменитого: «Велик был год и страшен год по рождестве Христовом 1918, от начала же революции второй».

Не будь Катаклизма — не появилась бы и булгаковская Москва. Не было бы места, где встретились Воланд и Мастер.

Можно только гадать, о чем писал бы Булгаков, не вступи мир в череду войн и революций. В каких городах жили бы его герои, и встречались ли они с Сатаной.

Но мир, породивший Михаила Булгакова, доживал последние... даже не годы. Доживал он последние месяцы.

Великолепен образ Владимира Солоухина: «Когда состав сходит с рельс, он, если тяжел и скорость была велика, некоторое время летит по инерции, по прямой, прежде чем начнет распадаться на части. И в летящем уже в бездну, в погибель составе, в каком-нибудь срединном вагоне, в течение некоторого времени может мирно спать на полке дитя. Или играть, или сосать материнскую грудь. В поезде, сошедшем с рельсов, это дополнительное «благополучное» время исчисляется, вероятно, секундами; если же сходит с рельсов огромное государство, то его инерционный полет в пропасть может длиться, я думаю, годы, если не десятилетия»¹.

Вот так же, как задолго до Катаклизма «в доме № 13 по Алексеевскому спуску, изразцовая печка в столовой грела и растила Еленку маленькую, Алексея старшего и совсем крошечного Николку», так и во время Катаклизма сохранялись «бронзовая лампа под абажуром, лучшие на свете шкапы с книгами, пахнущими таинственным старинным шоколадом, с Наташей Ростовой, Капитанской Дочкой, золоченые чашки, серебро, портреты, портьеры, — все семь пыльных и полных комнат, выростивших молодых Турбиных».

Россия уже гнила, уже летела в пропасть, а этот осмысленный, полезный человеческий мир еще жил. Уже был обречен, но еще жил.

И так же заканчивал медицинский факультет новоиспеченный врач и еще до этого женился на знакомой ему с 16 лет Татьяне Лаппе, и молодые все время нуждались в деньгах, потому что совершенно не умели их экономить и тратить. Все такое бытовое, нормальное, обычное, повседневное...

А мир уже сползал в пропасть. Мир старой Европы был обречен, как только ввязался в ненужную, безумную войну

---

¹ Солоухин В.А. Смех за левым плечом. — Франкфурт-ам-Майн: Посев, 1987.

Расшифрованный Булгаков

с самим собой. Войну называли Великой, Германской и Мировой, Великой Отечественной и Второй Отечественной — имея в виду, что Первая Отечественная — это война с Наполеоном. Образованные слои принимали ее с энтузиазмом. В Петербурге перед Зимним дворцом пели «Боже, царя храни», в Москве громили немецкие магазины. А война стала поворотным моментом всей европейской истории.

Для Российской империи эта война означала, что ей предстоит развалиться и что на ее развалинах появятся новые государства с совершенно иным политическим строем.

Война означала полное крушение мира, породившего Михаила Булгакова.

Булгаков, судя по всему, «патриотический» энтузиазм разделял. В Саратове, приехав к родителям жены, он помогает организовать лазарет для раненых и работает там врачом. В Киеве трудится в госпитале в Печерске. Подает рапорт о зачислении на военную службу. Комиссия не пропустила его из-за болезни почек. Эта наследственная болезнь в конце концов его и убьет.

Теперь он — военный врач в Каменце-Подольском, потом в Черновцах.

«Патриотический» угар выдыхается.

«Народ» оскаливается митингами, большевицкой пропагандой, дезертирством.

Фронт разваливается.

Оставаясь в резерве Московского военно-санитарного управления, молодой врач откомандирован в Смоленскую губернию для работы в земствах.

Булгаков — земской врач в Смоленской губернии, потом в Вязьме. Этот период жизни он опишет во многих рассказах. В том числе в «Морфии». Михаил Афанасьевич делал трахеотомию у больного дифтеритом ребенка: надо было очистить забитое дифтеритными пленками горло, чтобы ребенок мог дышать. На всякий случай ввел себе антидифтеритную сыворотку. Началась аллергическая реакция: сильнейшая почесуха

Василий Сидоров

и боли. Чтобы справиться с этим, начал принимать морфий. От опасной зависимости Булгакова избавили два человека: его жена и второй муж его мамы, доктор Иван Павлович Воскресенский (1877—1967).

С Варварой Павловной Воскресенский обвенчался в 1918-м. Что характерно, все братья и сестры Булгаковы приняли отчима, даже любили его.

Впрочем, не будем рисовать идиллию. По воспоминаниям Татьяны Лаппы, Михаила раздражал роман матери, он ревновал.

Соседка по дому № 13 на Андреевском спуске Киева удивлялась, что «Мишка Булгаков... этот бездарный венеролог» стал знаменитым русским писателем. Она рассказывала, что «семья была патриархальная, с определенными устоями», но «со смертью отца все изменилось», а с появлением Воскресенского «с тех пор в доме воцарилась безалаберщина»¹.

Так что оценки давались разные — и Воскресенскому, и Михаилу Булгакову.

Воскресенский посоветовал родным тайно от Михаила разбавлять каждую дозу морфия дистиллированной водой во все большей пропорции. В конце концов наркозависимость исчезла.

Интересна судьба Воскресенского. 27 апреля 1930 года «тройка» при ГПУ УССР выслала его в Казахстан «сроком на пять лет». В действительности Воскресенский из Казахстана никогда не вернулся. Там он жил до пенсии в 1963-м и смерти в 1967 году. Вторая жена Софья Николаевна пережила его на 10 лет.

Михаил Афанасьевич же весной 1918 года открывает частную практику как венеролог. Пациентов у него хватает — война не улучшила нравы.

---

¹ Некрасов В.Н. В жизни и в письмах. — М.: Советский писатель, 1971.

Чтобы дальнейшее стало понятным, придется немного отвлечься от судьбы частного человека, показать — что же происходило тогда в Киеве?

Разорванная Украина

А было вот что: зимой 1918 года по всей Украине метались то ли банды, то ли повстанческие армии, политический цвет которых не всегда было легко различить. На западе Украины, на месте развалившейся Австро-Венгрии, вспыхнула Западно-Украинская республика, с которой тут же начала воевать Польша.

В Киеве же огромную роль сыграл генерал-лейтенант Русской армии, малоросский дворянин Павел Петрович Скоропадский (1873—1945). Ничуть не меньшую роль сыграла идея Лавра Георгиевича Корнилова — идея «украинизации» армии. Занимая пост Верховного главнокомандующего 19 июля 1917 года, Лавр Георгиевич поставил Временному правительству условие — он реорганизует армию, как считает нужным, и ему не мешают.

Лавр Георгиевич был уверен — украинские национальные части не будут отступать перед австрийскими немцами.

В августе 1917 года по прямому предложению Л.Г. Корнилова Скоропадский приступил к «украинизации» своего корпуса: русских солдат и офицеров переводили в другую часть, на их место принимали из других частей фронта солдат и офицеров — украинцев.

По завершении 34-й Армейский корпус был переименован в 1-й Украинский корпус, которым продолжил командовать сам Скоропадский.

В октябре 1917 года, после захвата власти большевиками, Украинская Народная Республика объявила себя в федерации с Советской Россией. 9 января 1918 года — государственно самостоятельной.

Скоропадский признал власть Украинской центральной рады, стал главнокомандующим войсками Центральной рады, но фактически вел свою политику. Например, нейтрализацию «большевизированных» воинских частей. Верные ему войска перехватывали красные эшелоны, разоружали их и отправляли «домой», в Советскую Россию.

Центральная рада платила Скоропадскому таким же глупым недоверием. Накануне зимы 1918 года корпус Скоропадского оказался без продовольствия, зимней одежды и обуви. Деморализованные солдаты начали расходиться по домам. Генерал Скоропадский ради спасения корпуса подал в отставку как главнокомандующий. После его ухода украинская армия практически развалилась. Единственной боеспособной частью оставался 1-й Украинский корпус.

Центральная же рада провела аграрную реформу по эсеровскому принципу: не признала частного владения землей, а объявила землю собственностью общин. Революционные страсти в деревне закипели круче, чем в России.

После Брестского мира Украина официально оккупирована Австро-Венгрией и Германией. Непростая ситуация: только что с немцами воевали, а теперь они стали единственным гарантом того, что на Украину не придут русско-еврейские большевики из Москвы.

28 апреля германские военные разогнали Центральную раду, а во главе провозглашенной теперь Украинской державы встал гетман Павел Скоропадский. Гетман всея Украины стоял у власти с 29 апреля по 14 декабря 1918 года.

Политика гетмана была достаточно разумной: построить нормальное государство. Образованный слой России толпами бежал на Украину... Скоропадский полагал, что постепенно русская интеллигенция украинизируется. Не надо считать русских врагами, от этого только вред.

Одновременно Скоропадский полагал, что к Украине вполне может отойти чуть ли не вся Южная Россия, вплоть до Северного Кавказа. Что тут было позицией украинского

националиста, а что — способом борьбы с большевиками, порой трудно понять.

Русский образованный слой вовсе не рвался строить не очень понятную ему Украину, отстаивая «единую и неделимую» Россию. Но тактически поддерживал Скоропадского... Тем самым и вчерашних врагов-немцев.

На большей же части Украины разгоралась Гражданская война — уже безо всяких москалей, украинцы бились с украинцами. Тем более — немцы и австрийцы проводили «продовольственные реквизиции» а попросту грабили продовольствие. Правительство Скоропадского контролировало от силы 10—15% территории Украины.

Компъенское перемирие 11 ноября 1918 года знаменовало конец Первой мировой войны. Тем самым — поражение Германии и Австро-Венгрии. Тем самым — вывод немецких войск с Украины.

14 ноября 1918 года гетман Скоропадский подписал «Грамоту» — манифест, в котором он заявил, что будет отстаивать «давнее могущество и силу Всероссийской державы». Он призвал к строительству Всероссийской федерации как первому шагу к воссозданию великой России.

Украинские националисты отшатнулись от него. Петлюра возглавил масштабное восстание. Немцы стали договариваться с Петлюрой и договорились: они могут свободно уйти, пусть Петлюра входит в Киев. 14 декабря Скоропадский подписал манифест об отречении и бежал из Киева. К 20 декабря на 50 или 60% территории гетманской Украины была восстановлена власть Украинской Народной Республики. Остальная территория как была под Махно, батьками и атаманами, так и осталась. А на западе Украины Западно-Украинская республика воюет с Польшей.

События декабря 1918-го и стали основой «Белой гвардии». Ведь когда немцы выходили из Киева, украинские части его армии переходили к Петлюре. Единственной опорой Скоропадского остались офицерские дружины, в которые

Василий Сидоров

вливалась молодежь — гимназисты и юнкера. Для русского образованного слоя большевики и Петлюра были одинаково чужды.

Михаил Булгаков участвовал в этих боях офицерских дружин. Позже говорили — он был мобилизован. Чепуха — офицеры при всем желании не могли никого мобилизовывать. Байка о мобилизации была полезна в СССР как оправдание — вот, не по своей воле оказался в рядах белогвардейцев, меня заставили.

Заставлять культурного русского человека участвовать в боях с петлюровцами не было особой необходимости. Сам он вполне честно рассказывал — в эти страшные дни «был на улицах города. Пережил близкое тому, что имеется в романе» (то есть в «Белой гвардии»).

Что был вооружен — знаю точно: Булгакова с винтовкой за спиной видела родная сестра моей бабушки, Антонина Васильевна Сидорова. Девушки из 2-й женской гимназии пытались помогать оказывать помощь раненым офицерам и юнкерам: их относили в эту гимназию. На их глазах Булгаков вместе с другим офицером принес раненого товарища, снял с плеча винтовку и быстро ушел.

Неизвестно, когда именно он был «мобилизован» в «армию» Петлюры. Известно, что 3 февраля петлюровцы драпали из города, и Булгаков воспользовался суматохой, дезертировал¹. Этот эпизод отражен в рассказе «Я убил». Вероятно, все было не так героически — молодой врач просто сбежал, а в рассказе выдал желаемое за действительное. Но желание стрелять в петлюровцев и убивать их вряд ли нужно долго объяснять.

К большевикам, естественно, он тоже не пошел, работал врачом Красного Креста. По другим данным, все же был мобилизован, и служба в Красном Кресте была его работой на

---

¹ Виленский Ю.Г. Доктор Булгаков / Под ред. Т.И. Борисовой. — Киев: Здоровье, 1991. С. 99—103.

большевиков. 31 августа 1919 года красные бежали из Киева впереди собственного визга — город заняли полки деникинского генерала Николая Эмильевича Бредова (1873—1945) — часть Добровольческой армии Вооруженных сил Юга России. Об этом тоже говорили: «мобилизован». Явная неправда: во время наступлений белых войск к ним немедленно присоединялось множество приличных людей.

На переломе Гражданской

Отправили Булгакова, по одним данным, в Пятигорск, по другим — во Владикавказ. Военным врачом 3-го Терского казачьего полка он воюет против горцев Северного Кавказа, участвует в походе на Чечен-аул и Шали-аул. Детали его участия в этой войне абсолютно неизвестны¹. Неизвестно, был ли полковником, подполковником или капитаном. Неизвестно, при каких именно обстоятельствах он был контужен.

По поводу контузии... насколько мне известно, артиллерии у чеченцев не было. Подробности Булгаков, естественно, не сообщал, но по косвенным данным, был непосредственно в деле. А если был, то не только в качестве врача — врач вряд ли получил бы по голове удар, от последствий которого потом мучился всю жизнь.

26 ноября 1919 выходит первая известная публикация Булгакова: фельетон «Грядущие перспективы» в газете «Грозный». За ней следуют публикации фельетонов и статей в «Кавказской газете». 28 февраля 1920 года во Владикавказе выходит первый номер ежедневной газеты «Кавказ», среди сотрудников которой объявлен Булгаков.

Но тут все кончается само собой. Вооруженные силы Юга России не в состоянии сдерживать РККА. Донская и Кубанская казачьи армии бегут и сдаются. Кубанская армия потом полностью переходит на сторону красных.

---

¹ Соколов Б. В. Расшифрованная «Белая гвардия». Тайны Булгакова. — М.: Эксмо, Яуза, 2010. С. 210.

Василий Сидоров

Остатки Добровольческой армии отбиваются от красных, «зеленых» (местные «областники», не лучше петлюровцев), народов Кавказа, красных казаков.

Трудно сказать, сумел ли бы Булгаков эвакуироваться из Новороссийска с остатками армии в марте 1920 года, но в начале марта он тяжело заболел — возвратным тифом. Татьяна Лаппа выхаживала его до середины апреля.

Две недели город стоял «пустой» между властями. Только ингуши грабили — и население, и оставленные белыми склады. Потом город заняли то ли войска, то ли банды Николая Федоровича Гикало (1897—1938). Личность это сама по себе крайне примечательная, какую откопать можно только во время гражданских войн. То ли украинец, то ли грузин. Родился то ли в Одессе, то ли в Тифлисе. Гикало — то ли фамилия, то ли кличка. С ударением то ли на первом слоге, то ли на втором. На Северном Кавказе вел свою самостоятельную армию, которая была то коммунистической, то шла вместе с армиями горского «пророка» Узун-Хаджи.

102-летний имам Узун-Хаджи в молодости был одним из мюридов Шамиля, а теперь объявил о создании Шариатской монархии. Впрочем, провозглашал он себя и Верховным правителем Кавказа. При этом он лихо брал денежки и оружие у коммунистов, а 80% его армии были русские и казаки.

Управа на Узун-Хаджу была одна: старец очень боялся самолетов. Наверное, самолет был для него чем-то вроде шайтана. Белые время от времени посылали авиацию: не бомбить, а просто летать — этого хватало, чтобы Узун-Хаджи прекращал наступление. Теперь самолетов не стало, да разбойники Гикало (в том числе молодые чеченцы) и не боялись самолетов.

Пока город стоял пустой, пока Владикавказ захватывала то ли Красная Армия, то ли ее союзники, то ли войска Шариатской монархии, Булгаков болел, потом медленно поправлялся.

Расшифрованный Булгаков

Но, уж наверное, сюрреализм ситуации много раз вспоминался, сказывался в творчестве — в том числе в «Мастере и Маргарите».

Существует версия, что Михаил Афанасьевич до конца своих дней не мог простить Татьяне Николаевне, что она не вывезла его в Новороссийск, упрекал ее. В то время как жена фактически спасла Булгакову жизнь: до апреля ему категорически нельзя было трогаться с места. Да и смог бы Михаил Афанасьевич сделаться писателем в эмиграции — дело темное. То есть описать Узун-Хаджу и Гикало... Могу себе представить, как бы Михаил Афанасьевич их расписал! Но кто бы читал эти произведения?

Под красными во Владикавказе Булгаков читает лекции, ставит пять пьес в местном театре и пишет еще несколько. Он даже совершает поступок, который трудно было простить его товарищам по оружию: работает заведующим литературным отделом (Лито) подотдела искусств Владикавказского ревкома, заведующим театральным отделом (Тео) подотдела искусств, деканом Народной драматической студии Владикавказа. Свою пьесу «Сыновья муллы» Булгаков считал проституцией и чем-то отвратительным, предательством свободы творчества. Но «страшные» люди в папахах и с кинжалами потом ловили его, говорили: «Пасиба! Гиниалный бил пьеса!»

В ноябре 1920-го Булгакова уже изгоняют из советских учреждений, но главное ясно. Он готов заниматься любимым делом при любой власти. Творчество дороже убеждений.

Очевидно и то, что не будет он больше врачом. Позже Булгаков опишет, как петлюровский полковник Козырь-Лешко совершенно ошибочно до сорока пяти лет был школьным учителем: «Так, впрочем, чаще всего и бывает в нашей жизни. Целых лет двадцать человек занимается каким-нибудь делом, например, читает римское право, а на двадцать первом — вдруг оказывается, что римское право ни при чем, что он даже не понимает его и не любит, а на самом деле он тонкий

садовод и горит любовью к цветам. Происходит это, надо полагать, от несовершенства нашего социального строя, при котором люди сплошь и рядом попадают на свое место только к концу жизни. Козырь попал к сорока пяти годам. А до тех пор был плохим учителем, жестоким и скучным»¹.

Булгакову повезло больше: «на свое место» он попал в 28—29 лет. Впрочем, 1 февраля 1921 года он писал своему двоюродному брату: «Я запоздал на 4 года с тем, что я должен был давно начать делать — писать».

Если опоздал — то не намного.

ГЛАВА 2

МОСКВА — ОТНЫНЕ И НАВСЕГДА

Мысль о переезде в Москву настолько точила его в последнее время, что он стал даже худо спать.

М. А. БУЛГАКОВ

Москва — необходимая и неизбежная

Во Владикавказе гонят, к тому же здесь слишком многие помнят, где и с кем пришел во Владикавказ Булгаков. Вернуться в Киев? Там он тоже чересчур известен.

Москва — это теперь столица. Это возможность затеряться. Это намного меньший шанс встретить человека, который весело спросит: «А как там полковник Семенов? Говорят, во Франции, не знаешь?»

Это совершенно иные возможности для творчества и чтобы кормиться этим творчеством. Вопрос в том, какое творчество востребовано... в том числе и в столице Москве.

Известно, что еще осенью 1917-го Булгаков начал работать над циклом автобиографических рассказов о медицин-

---

¹ Булгаков М. А. Белая гвардия. — М.: Правда, 1989.

Расшифрованный Булгаков

ской практике в Никольской больнице. В 1920 году пишет первые редакции «Записок юного врача» — тогда цикл назывался «Наброски земского врача».

Но и переехав в Москву в сентябре 1921 года, Михаил Афанасьевич продолжает стезю фельетониста. С 1922 по 1926 год в газете «Гудок» было напечатано более 120 репортажей, очерков и фельетонов М. Булгакова. Печатается он в газетах «Гудок» и «Рабочий», в журналах «Медицинский работник», «Россия», «Возрождение», «Красный журнал для всех».

Фельетоны и статьи — это понятно... Это источник существования, позволяющий сделать что-то более основательное.

Большинство начинающих литераторов пишут рассказы, лишь постепенно переходя к «длинным» формам.

Большинство начинающих литераторов первые произведения пишут на профессиональную тему. Грубо говоря, врач пишет о медицине, полицейский — об угрозыске.

Логичнее всего — закончить наконец «медицинский» цикл рассказов.

Но вместо этого в 1922 году, буквально сразу после переезда в Москву, пишется большой роман. В декабре 1922 года в русской берлинской газете «Накануне» печатают то ли рассказ, то ли отрывок из ранней редакции романа «В ночь на 3-е число» с подзаголовком «Из романа «Алый мах»¹.

Впрочем, в письме к сестре Булгаков называл этот роман «Желтый прапор». Обдумывал названия «Белый крест» и «Полночный крест».

В марте 1923 года в № 7 журнала «Россия» появилось сообщение: «Михаил Булгаков заканчивает роман «Белая гвардия», охватывающий эпоху борьбы с белыми на юге (1919—1920)».

А в своем дневнике Булгаков 25 июля записывает: «Роман из-за «Гудка», отнимающего лучшую часть дня, почти не под-

---

¹ Соколов Б. В. Булгаковская энциклопедия. — М.: Локид; Миф, 1998.

Василий Сидоров

вигается». «Фельетонная» работа отнимает время не от «Рассказов юного врача».

В 1925 году в №№ 4 и 5 ежемесячного общественно-литературного журнала «Россия» были напечатаны первая и вторая части романа «Белая гвардия».

Журнал был сменовеховским. Название происходит от того, что в 1909 году вышел сборник «Вехи»¹, после прочтения которого стыдно было называть себя «интеллигентом». А в 1921 году в Праге вышел сборник «Смена вех». Сменовеховцы рассчитывали, что, если они будут сотрудничать с советской властью, она постепенно «переродится». НЭП, как им казалось, и есть начало «перерождения». Их лидер, профессор из Харбина Николай Васильевич Устрялов (1890—1937), говорил: СССР должен стать как редиска — красным снаружи, а белым внутри. С чего он это выдумал, пусть разбирается сам читатель, если хочет. Книги Устрялова доступны.

Сталин на XIV съезде ВКП(б) в 1925 году отзывался об Устрялове так: «Он служит у нас на транспорте. Говорят, что он хорошо служит... ежели он хорошо служит, то пусть мечтает о перерождении партии, мечтать у нас не запрещено».

За рубежом сменовеховцы сделались безвредной, но довольно зловонной кучкой болтунов, добровольно помогавших красной пропаганде и коминтерновской агитации. Сам Устрялов написал несколько холуйских писем Сталину, первым стал называть его «красный монарх» и в 1934 вернулся в Москву. Расстрелян в 1937-м.

В Москве же журнал «Россия» закрыли, и третья часть «Белой гвардии» не вышла. Главного редактора журнала Исаака Альтшулера, принявшего псевдоним Исайя Григорьевич Лежнев (1891—1955), уволили. Позже он и высылался из страны, и делался сотрудником разных газет и журналов, вклю-

---

¹ Вехи. Сборник статей о русской интеллигенции. — М.: РИПОЛ классик, 2017.

Расшифрованный Булгаков

чая «Правду», и членом редакционного совета издательства «Советский писатель», а в эвакуации стал вторым секретарем президиума Союза писателей Узбекистана. В общем, пестрая биография.

Булгаков же для публикации романа в России засветился в весьма неблагонадежном журнале.

Первый роман

Полностью роман «Белая гвардия» был впервые опубликован во Франции в 1927—1929 годах, причем разными издателями.

В 1927 году первый том опубликовало парижское издательство «Конкорд».

В 1929 году второй том вышел в парижской издательской фирме «Москва».

А в Риге издательство «Литература» Карла Расиньша напечатало «полное издание» романа, в котором неизвестным литератором было дописано окончание по четвертому акту второй редакции пьесы «Дни Турбиных». Сам Булгаков на странице 194 этого издания написал: «Отсюда начиная — бред, написанный неизвестно кем»¹.

Вообще странностей вокруг романа многовато. Для начала: роман не закончен. Трудно представить себе более разных литераторов, чем Константин Симонов и Максимилиан Волошин. Тем не менее Симонов был уверен, что «на самом деле роман все-таки не окончен... это заложено в самом тексте романа, в самой его композиции, во многих его сюжетных линиях, в сущности, оборванных на полуслове»².

---

¹ Мишуровская М. Борьба за роман «Белая гвардия» и издательские интриги 20-х годов. — М.: Музей М.А. Булгакова, 2015.

² Симонов К.М. О трех романах Булгакова // Булгаков М.А. Романы: «Белая гвардия», «Театральный роман», «Мастер и Маргарита». — М.: Художественная литература, 1973. С. 5.

Волошин так просто требовал: «Дорогой Михаил Афанасьевич, доведите до конца трилогию «Белой гвардии»¹.

По-видимому, роман задумывался автором как первая часть трилогии. Вторая и последующие части, видимо, должны были повествовать о приходе в город большевиков, затем об их бегстве под ударами деникинцев и, наконец, о боевых действиях в составе Вооруженных сил Юга России.

Почему Булгаков не завершил задуманное? Так ведь если печатать роман в СССР.. Тогда надо исключить и тексты, повествующие о самой белой гвардии как таковой, и любые эпизоды, связанные с войной с большевиками.

Сам автор писал:

«...И, наконец, последние мои черты в погубленных пьесах — «Дни Турбиных», «Бег» и в романе «Белая гвардия»: упорное изображение русской интеллигенции как лучшего слоя в нашей стране. В частности, изображение интеллигентско-дворянской семьи, волею непреложной судьбы брошенной в годы гражданской войны в лагерь белой гвардии, в традициях «Войны и мира». Такое изображение вполне естественно для писателя, кровно связанного с интеллигенцией.

Но такого рода изображения приводят к тому, что автор их в СССР, наравне со своими героями, получает — несмотря на свои великие усилия стать бесстрастно над красными и белыми — аттестат белогвардейца-врага, а получив его, как всякий понимает, может считать себя конечным человеком в СССР»².

В начале 1990-х годов была найдена авторизованная машинопись окончания «Белой гвардии» общим объемом око-

---

¹ Волошин М.А. Избранное: Стихотворения. Воспоминания. Переписка / Давыдов З., Купченко В.П. — Минск: Мастацкая літаратура, 1993. — 479 с.

² Булгаков М.А. Письмо правительству СССР // Новый мир. 1987. № 8.

Расшифрованный Булгаков

ло двух печатных листов. Редактор «России», а потом сотрудник «Правды», И.Г. Лежнев, использовал рукопись Булгакова, чтобы наклеивать на нее как на бумажную основу вырезки из газет своих многочисленных статей.

Этот текст окончания романа политически намного острее опубликованного: автор ищет (и находит) общее между петлюровцами и большевиками.

Впервые полный и наиболее точный текст романа был издан в России только в 1966 году — Елена Сергеевна Булгакова, используя текст журнала «Россия», неизданные корректуры третьей части и парижское издание, подготовила роман для нового, выверенного, издания¹.

Но, возможно, и оно не совсем точное.

Видимо, мы можем прочитать лишь малую толику романа Булгакова.

Но и напечатанного хватило, чтобы навсегда определить репутацию Булгакова в СССР.

Тем более в феврале 1925-го в альманахе «Недра» публикуются «Роковые яйца».

В июле 1925 года вышла первая отдельная книга «Дьяволиада. Рассказы». Она была переиздана в следующем году.

В середине 1926 года в Ленинграде вышла вторая книга — сборник рассказов в серии «Юмористическая иллюстрированная библиотека журнала «Смехач», затем в этом же году, в издательстве «ЗИФ» — третья и последняя российская прижизненная книга писателя — сборник рассказов «Трактат о жилище».

Не так и много... Но в сентябре 1926 года ОГПУ провело у писателя обыск. Похищена рукопись повести «Собачье сердце» и дневник. С дневника сделана копия в ОГПУ — которая до нас и дошла: сам дневник Булгакову возвратили, и он его сжег. «Собачье сердце» вернули.

---

¹ Булгаков М. Избранная проза. — М.: Художественная литература, 1966.

На допросе же 22 сентября 1926 года в ОГПУ он попытался объяснить свое непозволительное поведение: «На крестьянские темы я писать не могу потому, что деревню не люблю. Она мне представляется гораздо более кулацкой, нежели это принято думать. Из рабочего быта мне писать трудно. Я быт рабочих представляю себе хотя и гораздо лучше, нежели крестьянский, но все-таки знаю его не очень хорошо. Да и интересуюсь я им мало и вот по какой причине: я занят. Я очень интересуюсь бытом интеллигенции русской, люблю ее, считаю хотя и слабым, но очень важным слоем в стране. Судьбы ее мне близки, переживания дороги. Значит, я могу писать только из жизни интеллигенции в советской стране. Но склад моего ума сатирический. Из-под пера выходят вещи, которые порою, по-видимому, остро задевают общественно-коммунистические круги. Я всегда пишу по чистой совести и так как вижу...»¹

Как видно, в числе главных претензий — почему пишет не о рабочих и крестьянах? Но и приверженность к своему сословию не обеспечивала любви «своих», даже ближайших родственников.

Так, с 1925 года с братом прекратила отношения Варвара Афанасьевна Булгакова (1895—1956): не простила превращения в плохого персонажа Тальберга ее любимого мужа, Леонида Сергеевича Карума (1888—1968).

Возможно, Карум и не был такой редкой сволочью, как Тальберг, но, судя по его эпистолярному наследию, был личностью гадкой и мелкой. Дожив до появления «Белой гвардии» в советской печати в 1966 году, он написал о Булгакове заметку «Горе от таланта», в которой давал весьма хамские описания семейной жизни Булгакова со второй женой: «...большую часть суток они проводили в кровати, раздетые, хлопая друг друга пониже спины и приговаривая: «Чья это жопочка?»

---

¹ Соколов Б. Тайны Булгакова: Расшифрованная «Белая гвардия». — С. 250.

Расшифрованный Булгаков

Сообщал и о том, что умер Булгаков богатым человеком, что его имущество перешло к его корыстной третьей жене.

Главное же — Карум фактически повторял обвинения 1930-х годов: «Его произведения не народны. В них нет ничего, что затрагивало бы народ в целом». И далее: «...его талант не был проникнут интересом к народу, марксистско-ленинским мирозерцанием, строгой политической направленностью»¹.

В своей же забавной книге о самом себе Карум, вопреки ее названию, просто поразительно много врал².

Страсти вокруг пьес

Не меньшие страсти кипели вокруг пьес Михаила Афанасьевича.

С октября 1926 года во МХАТе шли «Дни Турбиных»: фактически постановка «Белой гвардии». Успех огромный! Сначала разрешили ее только на год... потом несколько раз продлевали разрешение.

Пьеса вызвала истерику «пролетарских писателей», но очень понравилась И.В. Сталину. Неясно, смотрел ли Сталин спектакль целых 15 раз, но, по крайней мере, смотрел его неоднократно³.

С одной стороны, товарищ Сталин открыто заявлял, что «Дни Турбиных» — «антисоветская штука, и Булгаков не наш»⁴.

---

¹ Соколов Б. Тайны Булгакова: Расшифрованная «Белая гвардия». С. 250.

² Карум Л.С. Моя жизнь: рассказ без вранья. Ч. 1: Детство. — Новосибирск: Офсет, 2014.

³ Громов Е. Сталин. Власть и искусство. — М.: Республика, 1998. С. 100—130.

⁴ Сталин И.В. Встреча с группой украинских писателей 12 февраля 1929 г. // Собрание сочинений: в 34 тт. Т. 11. — М., 1949. С. 112.

Василий Сидоров

Неудивительно: «Был когда-то на одном из спектаклей «Турбинных» случай: офицеры на сцене запели «Боже, царя храни», и часть публики встала. С тех пор в театре боялись эксцессов»¹.

С другой стороны, в январе 1932 года, когда пьесу запретили, Сталин велел вернуть ее на сцену, и до войны ее не запрещали. Последний раз поставили 24 июня 1941 года.

Правда, и нигде в СССР, кроме МХАТа, пьеса не ставилась.

В конце октября 1926 года в Театре им. Вахтангова с большим успехом прошла премьера спектакля по пьесе М.А. Булгакова «Зойкина квартира».

В Москве в 1928 году прошла премьера пьесы «Багровый остров».

Вдохновленный писатель написал пьесу «Кабала святош» о судьбе Мольера... Но в 1930 году Булгакова перестали не только печатать. Его пьесы изымались из репертуара театров, запрещали к постановке «Бег», «Зойкину квартиру», «Багровый остров», «Дни Турбинных».

28 марта 1930 года писатель пишет письмо в правительство СССР с просьбой либо выслать его с женой за границу, либо предоставить возможность работать во МХАТе.

18 апреля 1930 года Булгакову позвонил И. Сталин, который порекомендовал драматургу обратиться с просьбой зачислить его во МХАТ. Во МХАТе Булгаков работал с 1930 по 1936 год — в должности режиссера-ассистента. В 1932 году инсценировал «Мертвые души».

В 1930 году работал в качестве режиссера в Центральном театре рабочей молодежи.

Спектакль «Кабала святош» («Мольер») увидел свет 16 февраля 1936 года — после почти пяти лет репетиций. Премьера прошла с громадным успехом, но после семи

---

¹ Лакшин В.Я. Открытая дверь: Воспоминания и портреты. — М.: Моск. рабочий, 1989.

Расшифрованный Булгаков

представлений постановка была запрещена, а в «Правде» вышла статья о «фальшивой, реакционной и негодной» пьесе.

После статьи в «Правде» Булгаков окончательно ушел из МХАТа, работал в Большом театре как либреттист и переводчик. В 1937 году он работает над либретто «Минин и Пожарский» и «Петр I».

Как всегда, судьба его неоднозначна.

В 1934-м отказали в заграничной поездке — и приняли в Союз писателей. Притом что с 1930-го — не печатают.

В Союзе писателей тоже вел себя очень независимо. Не скрывал пренебрежения к «пролетарским писателям». Без особого уважения относился к «красному графу» Алексею Толстому.

Что Толстой кутил и развратничал, встречал с иронией, а вот что легко бросал влюблявшихся в него молодых дуручек, не приветствовал. Что способен был украсть — если не текст, то идею произведения, Булгакова отталкивало. В частности, историческая драма Толстого и Щеголева «Заговор императрицы» о Распутине и Николае II сделана по замыслу самого Булгакова еще начала 1920-х.

По мнению Михаила Афанасьевича, Толстой стремительно изменил свое отношение к личности Петра I, да к тому же был легковесен, легко выдумывал «нужные» обстоятельства и «факты». Булгаков говаривал, что такой роман, как «Петр I», он мог бы написать в голой комнате без единой книги¹.

В общем, и в Союзе писателей был одинок — аристократичен, интеллигентен для выскочек. Высокомерен, не понимал придворной жизни — для «элиты».

---

¹ Чудакова М.О. Жизнеописание Михаила Булгакова. — М.: Книга, 1988. С. 550.

ГЛАВА 3

ВОКРУГ БУЛГАКОВА

Посмотрите на его постную физиономию и сличите с теми звучными стихами, которые он сочинил к первому числу! Хе-хе-хе... «Взвейтесь!» да «развейтесь!»... А вы загляните к нему внутрь — что он там думает... вы ахнете!

М. А. БУЛГАКОВ

Булгаков и уважаемые коллеги

Естественно, Михаил Афанасьевич «идеологически не вписывался». Советское государство естественнейшим образом не принимало его творчества. Но больше всего страдал он не от запретов и идеологических ограничений, а от травли так называемых писателей. Так сказать, собратьев по цеху.

Не будем снимать ответа с государства «победившего пролетариата»... Это ведь было обезумевшее идеологическое государство, стремившееся вколотить в марксистскую утопию не только Россию и народы бывшей Российской империи, но и весь мир.

С самого начала Гражданская война в Российской империи мыслилась коммунистами как часть и как начало мировой революции. Изначально коммунисты ждали, что народные массы проникнутся их идеологией и начнут воевать за «вековечную мечту всего человечества». Народные массы проникаться бредом Карла Маркса не стали.

Не дождавшимся энтузиазма масс коммунистам «пришлось» создавать могучую и страшную государственную машину. Все материальные и человеческие ресурсы Советской республики — Совдепии были без остатка подчинены этой цели: победить в Гражданской войне 1917—1922 годов, а по возможности устроить и мировую революцию.

Конституция Советской России от 10 июля 1918 г. — временная конституция, до Земшарной республики. Главной целью государства провозглашалось «полное подавление буржуазии, уничтожение эксплуатации человека человеком и водворение социализма, при котором не будет ни деления на классы, ни государственной власти».

Возникший после Гражданской войны СССР тоже был создан как временный военный лагерь на пути к Земшарной республике Советов.

Конституция СССР 1924 года начиналась «Декларацией об образовании СССР» и задавала ему цель — превратиться в Земшарную республику Советов. Ведь «со времени образования советских республик государства мира раскололись на два лагеря: лагерь капитализма и лагерь социализма. Там, в лагере капитализма, национальная вражда и неравенство, колониальное рабство и шовинизм, национальное угнетение и погромы, империалистические зверства и войны. Здесь, в лагере социализма, взаимное доверие и мир, национальная свобода и равенство, мирное сожитительство и братское сотрудничество народов»¹.

Правящая в СССР ВКП(б) считалась «всего лишь» секцией III Интернационала. Одна из партий и не более.

Коминтерн — это даже не государство в государстве. Это — надгосударство. Решения правительства СССР не были обязательны для Коминтерна. Директивы Коминтерна были совершенно обязательны для правительства СССР.

На Втором конгрессе Коминтерна 19 июля — 7 августа 1920 года Троцкий скажет весьма определенно: «Гражданская война во всем мире поставлена в порядок дня. Знаменем ее является советская власть»².

---

¹ Основной закон (Конституция) Союза Советских Социалистических Республик. Принят второй сессией ЦИК СССР первого созыва 6 июля 1923 года и в окончательной редакции II съездом Советов СССР 31 января 1924 года. — М., 1924.

² Второй конгресс Коминтерна. — М., Партиздат, 1934. С. 55б.

Василий Сидоров

Поставив такие цели, государство просто обязано было давить таких, как Булгаков.

Еще оно было просто вынуждено поддерживать носителей и агентов своей идеологии, в том числе совершенно бездарных, но «идейно правильных» писателей.

На первый взгляд, невероятно, но факт: коммунистическая идея оставила очень мало талантливых произведений. Русская литература 1920—1930-х годов — это А. С. Грин, К. Г. Паустовский, А. Р. Беляев, В. А. Обручев, А. Н. Толстой, А. М. Горький и М. А. Шолохов. Это А. П. Платонов, Е. И. Замятин, А. А. Ахматова, Д. И. Хармс, С. Н. Сергеев-Ценский, Заболоцкий, И. А. Ефремов, Клюев... Впрочем, называть имена можно долго.

Но какое отношение имеют все они к «пролетарской литературе»? Даже вполне «идейные» А. С. Новиков-Прибой, И. И. Бабель или Ю. М. Тынянов?

Но ведь вовсе не они поднимались на щит прессой, получали премии, печатались миллионными тиражами. Властям нужна была другая литература — более прямолинейная, «политически правильная».

Такая «литература» появилась. Кто помнит сейчас Серафимовича, Фадеева, Островского, Фурманова, даже Федина? Если помнят, то скорее как явление политической истории страны, а не истории литературы как таковой. Но они были. Именно их считали знаменем литературы.

До сих пор не дана объективная оценка такому зловещему явлению, как Российская ассоциация пролетарских писателей (РАПП). Выросла она в конечном счете из Пролеткульта (Пролетарские культурно-просветительные организации). Сия массовая культурно-просветительская и литературно-художественная организация при Наркомате просвещения действовала с 1917 по 1932 год. Цель — создание особой пролетарской культуры и, соответственно, пролетарской литературы.

РАПП считала себя «частью пролетарского авангарда, проникнутой его диалектически материалистическим миро-

воззрением» и провозглашала принцип подчинения литературы целям классовой борьбы.

В РАПП состояло более 4 тысяч членов.

Что, все такие идейные? Или все же сказывалось другое: участие в РАПП весьма помогало продвижению писателя, публикации его произведений?

Творения пролетарских писателей и в школы внедряли! Как свидетельствует писатель, чье детство пришлось как раз на 1920-е: «Да, нынешним школьникам, одолеваемым в школе учителями, а дома родителями, есть чему позавидовать. По «русскому языку» — по литературе — мы проходили, например, только Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву» и «Поэзию рабочего удара» Алексея Гастева. («Мы растем из железа...» — единственное, что я запомнил.) Все остальное — Пушкин, Гоголь, Тургенев, Толстой, Чехов — считалось тогда буржуазным и дворянским. Дома, правда, меня пытались приобщить к этой порочной литературе (тетка по профессии библиотекарь, по натуре — просветительница), но без особого успеха»¹.

К 1930 г. все остальные литературные группировки были практически разгромлены. РАПП оказалась тем раком, который на безрыбье тоже рыба.

Своей резолюцией от 4 мая 1931 года РАПП призывала всех пролетарских писателей «заняться художественным показом героев пятилетки» и доложить об исполнении этого призыва-распоряжения в течение двух недель.

Многие деятели РАПП вошли и в созданный в 1934 году Союз писателей, но там они не были уже господствующей прослойкой.

Впрочем, и «внедрение метода соцреализма» Союзом писателей — тоже не сахар... Кто читал «Бруски» Ф.И. Панфе-

---

¹ Некрасов В.Н. В жизни и в письмах. — М.: Советский писатель, 1971.

Василий Сидоров

рова, «Энергию» Ф.В. Гладкова, «Время, вперед!» В.П. Катаева, «Гидроцентральный» М.С. Шагинян?

Мои слова могут показаться некой выпендренно-назидательной фразой, но вот факт: далеко не всякое честно, искренне написанное литературное произведение остается в веках. Но чтобы остаться в веках, литературное произведение должно быть написано честно. Никакие оправдания и самооправдания не помогут. Никакие призывы ко времени, общественной пользе, государственной необходимости. Не веришь в то, что пишешь? Не пиши. А если даже написал, издали миллионным тиражом и восхвалили — книга все равно нежизнеспособна. Исключений не бывает. Не дейся.

Едва ли не самая сильная «советская» книга 1920—1930-х годов — роман «Двенадцать стульев», вышедший в 1928-м. Второй роман дилогии, «Золотой теленок», появился на прилавках в 1933-м.

Эту дилогию тоже ругали на все корки. И Остап Бендер «слишком симпатичный», Васисуалий Лоханкин — карикатура на русского интеллигента. И вообще «нельзя же так»... В 1949 году вообще были запрещены все произведения Иехиела-Лейбы Арьеви́ча Файнзи́льберга, он же Илья Арнольдович Ильф (1897—1937) и Евгения Петровича Катаева, он же Евгений Петров (1902—1942).

Система отвергла их, хотя они были очень идейными, очень советскими людьми. Катаев-Петров погиб на фронте.

Они были субъективно честны. Вот так, сатирически, видели они современный им СССР. Ильф еще ввел в своих «Записных книжках» дожившее до наших дней определение СССР — «Край непуганых идиотов».

Писатель в СССР сталкивался в первую очередь не с государством, а с полчищем прикормленных властью бездарностей из РАПП и Союза писателей.

А поддерживала сие полчище советских бесов такая же по духу и по качеству часть партийной «элиты». Одним из

Расшифрованный Булгаков

активнейших гонителей Булгакова был Кароль Собельсон (1885—1939), ставший в России Карлом Бернгардовичем Радеком.

Виктор Ефимович Зигберман, принявший псевдоним Ардов (1900—1976), вспоминает: «Помню, как в антракте Карл Радек — член этой комиссии — говорил кому-то из своих друзей, делая неправильные ударения почти во всяком слове — так говорят по-русски уроженцы Галиции:

— Я считаю, что цензура права!»¹

Карл Собельсон действительно родился в городе Львове и до конца своей нечистой жизни говорил по-русски с сильным акцентом.

Этот... э-э-э-э... Этот человек был одним из самых буйных деятелей Коминтерна, активнейшим образом раздувал революцию в Германии и в Польше, но, конечно же, ни одного восстания организовать не сумел.

В годы обучения в Краковском университете был пойман на кражах часов и штанов у других студентов, за что получил созвучную фамилии кличку «Крадек» — по-польски «вор». Кличка была широко известна, ее частенько вспоминали. Порой выступавшие на партийных сборищах делали вид, что путали фамилию и кличку. Тем более, помимо всего прочего, Крадек славился феерическим воровством и такой же феерической развратностью.

Что тут сказать? Каковы исполнители, таковы и их покровители.

Пролетарские писатели травили абсолютно всех, кто и был, по сути, русской литературой 1920-х. Даже идейнейших Ильфа с Петровым, даже жреца «новой поэзии» Маяковского. Тем более их жертвой просто обречен был стать Булгаков.

---

¹ Ардов В.М. Этюды к портретам. — М.: Советский писатель, 1983.

На первый взгляд, ну чего они прицепились к Булгакову? Строили бы себе свой ненаглядный коммунизм. Если они «исторически правы», так история всех и рассудит.

Но Булгаков, во-первых, становился укором для политических проституток.

Действительно: «Что-то на редкость фальшивое и неуверенное чувствовалось буквально в каждой строчке этих статей, несмотря на их грозный и уверенный тон. Мне все казалось, — и я не мог от этого отделаться, — что авторы этих статей говорят не то, что они хотят сказать, и что их ярость вызывается именно этим»¹.

Во-вторых, любое талантливое слово подчеркивало убожество их самих — именно как литераторов.

Начиная с 1922 года, в советской прессе проходит интенсивная и крайне злобная критика творчества М.А. Булгакова. По его собственным подсчетам, за 10 лет появилось 298 ругательных рецензий и только 3 благожелательные².

Среди критиков неизменно оказывались самые влиятельные литераторы, более всех прикормленные властью, и чиновники от литературы.

Писатели тоже спорили... М.А. Волошину «Белая гвардия» казалась не менее значимой, чем «Война и мир» или произведения Достоевского. Он звал Михаила Афанасьевича в Коктебель, а 5 июля 1926 года подарил ему акварель с дарственной надписью: «Дорогому Михаилу Афанасьевичу, первому, кто запечатлел душу российской усобицы, с глубокой любовью...»

А В.В. Вересову книга не понравилась. В апреле 1925-го он написал Волошину: «Белая гвардия», по-моему, вещь довольно рядовая, но юмористические его вещи — перлы, обещающие из него художника первого ранга. Но цензура режет его беспощадно. Недавно зарезала чудесную вещь «Собаچه

¹ Булгаков М.А. Мастер и Маргарита. — М.: 1989. С. 77.

² Громов Е. Сталин. Власть и искусство. — М.: Республика, 1998. С. 100—130.

сердце», и он совсем падает духом. Да и живет почти нищенски... Ангарский мне передал, что Ваше к нему письмо Булгаков взял к себе и списал его»¹.

Но это — обычные профессиональные разборки. Из «коммунистически идейных» «Белую гвардию» произведением «выдающегося литературного качества» назвал Александр Константинович Воронский (1884—1937).

Заслуженный коммунистический мракобес, член РСДРП с 1904-го, участник Пражской конференции 1912 года оставался субъективно честным человеком. Ни на собственную литературную гениальность, ни на руководство литературным процессом не претендовал.

А официальная пресса сразу же после постановки «Дней Турбиных» во МХАТе 5 октября 1926 года разразилась статьями с такими заголовками: «Дни, которые потрясли театральную общественность», «Суд над «Днями Турбиных», «Против булгаковщины. Белая гвардия сквозь розовые очки», «Фальшивый вексель гр. Булгакова», «Неудачная инсценировка», «Досадный пустяк», «Долой «Белую гвардию»².

11 ноября 1926 года при огромном стечении народа в московском Доме печати прошел «Суд над «Белой гвардией». Высказывания были в том же духе.

Нарком просвещения Анатолий Васильевич Луначарский (1875—1933) соизволил произнести: «Ему (Булгакову) нравятся сомнительные остроты, которыми обмениваются собутыльники, атмосфера собачьей свадьбы вокруг какой-нибудь рыжей жены приятеля...»³

Один из руководителей Главреперткома, Александр Робертович Орлинский, 9 октября 1926 г. в «Правде» написал

---

¹ Волошин М.А. Избранное: Стихотворения. Воспоминания. Переписка.

² Филатьев Э. «Тайна булгаковского «Мастера...». — М.: ЭФФЕКТ ФИЛЬМ, 2017.

³ Известия // 8 октября 1926 г.

статью «Гражданская война на сцене МХАТа». Он требовал «дать отпор булгаковщине».

Позже он же выступил в «Рабочей газете» со статьей «Против булгаковщины: «Белая гвардия» сквозь розовые очки»: «Белая гвардия» — это политическая демонстрация, в которой Булгаков перемигивается с остатками белогвардейщины»¹.

Другой член Главреперткома, Ричард Витольдович Пикель (1896—1936), писал откровенный политический донос: «Имя Булгакова было синонимом неприкрытого сменовеховства, устряловщины и мелкобуржуазной политической реакции на театре и одновременно знаменем и целой программой для ретроградных и консервативных группировок...»²

Корреспондент «Комсомольской правды» по вопросам литературы и искусства Илья Израилевич Бачелис (1902—1951) сообщал, что МХАТ делает «попытку протащить булгаковскую апологию белогвардейщины в советский театр, на советскую сцену, показать эту написанную посредством богомазом икону белогвардейских великомучеников советскому зрителю»³.

Племянник Якова Свердова и глава РАПП, Леопольд Леонидович Авербах (1903—1937), безобразно отругал годящегося ему в папы Воронского, а Булгакова объявлял «чуждым элементом».

Потомок богатых одесских евреев Яков Ефимович Шапирштейн, принявший псевдоним Эльсберг (1901—1976), сообщал, что «Белая гвардия» — это контрреволюционный обывательский смешок».

Впрочем, этот подлый выблядок писал доносы на огромное количество людей. Репутация Эльсберга была настолько

---

¹ Варламов А.Н. Михаил Булгаков. — М.: Молодая гвардия, 2008.

² Пикел Р.В. Начало итогов // Советский театр. 1930. № 1.

³ Бачелис И.И. Бег назад должен быть приостановлен // Комсомольская правда. 1928. 23 октября.

одиозна, что статья о нем в «Краткой литературной энциклопедии» опубликована с подписью «Г. П. Уткин».

«Умер он в полном одиночестве, на его похоронах не было ни одного родственника, и ни одна живая душа, насколько мне известно, не покусилась ни на его наследство, ни на крохотную квартирку на Кутузовском проспекте. Институт повел себя в этой истории более чем странно, потому что никто из начальства в ИМЛИ и пальцем не пошевелил, чтобы ценная библиотека Эльсберга осталась в собственности Академии наук и пополнила институтскую коллекцию»¹.

Не обошел вниманием роман и пьесу так называемый «поэт» Владимир Маяковский (1893—1938): «Мы случайно дали возможность под руку буржуазии Булгакову пискнуть — и пискнул. А дальше мы не дадим».

О Маяковском столь блистательно написал Борис Михайлович Носик², что лучше него я сказать не способен.

Наперсник и друг-приятель Ягоды, Владимир Михайлович Киршон (1902—1938), более всего известен как автор стихотворения «Я спросил у ясеня». Песню положил на музыку Михаил Таривердиев, знаменитой ее сделал фильм Эльдара Рязанова «Ирония судьбы, или С легким паром». Это стихотворение заставляет буквально остолбенеть от изумления, потому что большую часть своей жизни Киршон помимо доносов писал пьесы и сценарии о борьбе рабочих и крестьян за новую счастливую жизнь, воспевал коллективизацию и «новый тип руководителя».

Один из ведущих и самых радикальных деятелей РАПП писал бредовые «революционные» песни: «Мы — фабричные ребята» и «Мировой пожар горит, буржуазия дрожит!». Ему принадлежат такие строки:

---

¹ Ковский В.Е. Уплывающие берега. — СПб.: Звезда, 2014. С. 231, 236.

² Носик Б.М. Прогулки по Парижу. Левый берег и острова. — М.: ОАО Издательство «Радуга», 2001.

Василий Сидоров

Эй, буржуй, вставай с постели,
Открывай пошире двери.
В гости мы к тебе придем
И все кости перебьем.

Травил он не только Булгакова, но и Алексея Толстого, Вениамина Каверина, Михаила Пришвина.

Погорел Киришон на тесной связи с Генрихом Ягодой: разделил его участь после его ареста и расстрела.

Удивительно, как подобная мразь ухитрилась написать «Я спросил у ясеня». Неисповедимы пути Твои, Господи.

Иосиф Симхович Каган вошел в историю как Осаф Семенович Литовский (1892—1971). В 1926 году он писал: «Произведения Булгакова, начиная от его откровенно контрреволюционной прозы и кончая «Мольером», занимают место не в художественной, а в политической истории нашей страны, как наиболее яркое и выразительное проявление внутренней эмиграции, хорошо известной под нарицательным именем «булгаковщины»¹.

«Булгаковщина всех видов или полнокровная советская тематика — так станет вопрос перед МХТ сегодня, в день его тридцатилетней годовщины. От того, как театр решит этот вопрос, зависит — сумеет ли он стать равноправным участником в общей семье строителей новой культуры»².

«В этом году мы имели одну постановку, представляющую собою злостный пасквиль на Октябрьскую революцию, целиком сыгравшую на руку враждебным нам силам: речь идет о «Багровом острове»³.

«За три с лишним года, прошедших со времени XVI съезда нашей партии, советская драматургия прошла путь, изме-

¹ Литовский О.С. Так и было. — М., 1958. С. 205.

² Литовский О.С. Тридцать лет Художественного театра // Комсомольская правда. 1928. 27 октября.

³ Литовский О.С. На переломе // Известия. 1929. 20 июня.

ряемый десятилетиями. Для того чтобы понять значительность этого пути, достаточно вспомнить состояние нашего репертуара к концу 1929 года... Советская драматургия имела в своем пассиве такие пьесы, как... клеветнически изображающий Октябрьскую революцию «Багровый остров» Булгакова... До этого с воинственной декларацией выступило сменовеховство в «Днях Турбиных» и в «Беге» Булгакова»¹.

Сразу после генеральных репетиций «Мольера» 5 и 9 февраля 1936 года О. Литовский тут же требует запретить пьесу, а не получается — пишет: «Самый материал пьесы настолько недостоверный, что все усилия мхатовцев создать спектакль социально страстный не могли увенчаться успехом... «Кровосмесительная» версия никем в пьесе не опровергается, придает ей сугубо мещанский характер... Булгакову нельзя отказать в драматургическом таланте и сценической опытности. Эта опытность не спасает автора от примитива...»

На первый взгляд, Иосиф Симхович очень последователен. Он не изменил своему знамени и много позже.

Но само слово «убеждения» мало применимы к врагам Булгакова. В 1958 году Каган-Литовский продолжал тявкать на писателя. Времена изменились, и великий борец за пролетарскую литературу Литовский писал убогие оправдания своей «предвзятости» к Булгакову².

Еще более «душистая» личность: Александр Ильич Безыменский (1898—1973).

Страстный поклонник Троцкого, просил у него написать послесловие к книге его стихов «Как пахнет жизнь». Многопочтенный Лев Давидович согласился. Ведь «Безыменский — поэт, и притом свой, октябрьский, до последнего фибра».

---

¹ Литовский О.С. Советская драматургия к Всесоюзному съезду писателей // Театр и драматургия. 1934. № 6.

² Литовский О.С. Глазами современника. — М.: Советский писатель, 1963.

Василий Сидоров

О Булгакове «октябрьский до последнего фибра» писал: «Булгаков чем был, тем и останется: новобуржуазным отродьем, брызжущим отравленной, но бессильной слюной на рабочий класс и его коммунистические идеалы».

Писал он и еще более знаменитые строки:

Расеюшка-Русь, повторяю я снова,
Чтоб слова такого не вымолвить век.
Расеюшка-Русь, распроклятое слово
Трехполюя, болот и мертвеющих рек..

Писал и панегирики Дзержинскому, с посвящением: «Посвящается площади ЧК»¹.

В стихотворной же пьесе «Выстрел» имеется такой диалог:

ДЕМИДОВ: И еще я помню брата...
Черноусый офицер
Горло рвал ему, ребята,
И глаза его запрятал
В длинноствольный револьвер².
Братья! Будьте с ним знакомы,
Истяжал он денщиков,
Бил рабочих в спину ломом
И устраивал погромы,
Воплощая мир врагов.
Забывать его не смейте!
В поле, дома³ и в бою
Если встретите — убейте,

¹ Безымянский А.И. Феликс. — Л.: Прибой, 1927.

² Не очень понятное место. «Черноусый офицер» что, вырвал у брата глаза и засунул в ствол? Или что имеется в виду?

³ Еще одно не очень понятное место. Где именно предполагается убивать Алексея Турбина? У **него** дома? Или пригласить его к **себе** и там убить? Или просто Безымянский такой великий поэт, что вставил слово «дома» для размера, без особого смысла?

Расшифрованный Булгаков

И по полю прах развеите,
Правду вырвавши свою.
И сегодня в буднях жгучих
Пусть сверкнет наш грозный меч!
Братья! Пусть наш век могучий
Вас поучит и научит
Нашу ненависть беречь.

СОРОКИН: Руками задущу своими!
Скажи, кто был тот сукин сын?
ВСЕ: Скажи нам имя! Имя! Имя!..

Демидов выходит на авансцену. Большой барабан начинает бить слабо, все громче, громче.

ДЕМИДОВ: Полковник... Алексей... Турбин...
ВСЕ: Полковник...
Алексей...
Турбин...¹

«Белая гвардия» печаталась в 1924—1925 годах, «Дни Турбиных» ставили в 1926-м, а «Выстрел» вышел в 1930 году. Перед нами — совершенно откровенная «полемика» с Булгаковым.

Насколько образ военного врача Алексея Турбина соответствует удару ломом в спину или организации погромов, пусть судит сам читатель.

Хорошо, что А. Безыменский, в отличие от большинства тех, с кем он начинал, дожил до 1970-х. Его продолжали хвалить², награждали и продвигали, хотя большую часть поэтических произведений 1920—1930-х годов никогда не перепечатывали³.

¹ Безымянский А.И. Выстрел. — М.; Л.: Госиздат, 1930. С. 50.

² Большая советская энциклопедия. Вып. 2. Т. 4. М., Госпредприятие «БСЭ», 1950. Статья «Безыменский».

³ Безымянский А.И. Городок. — М.: Советский писатель, 1925.

Да и кто сейчас помнит творения Безыменского? Кто помнил его самого в 1960-е, когда триумфально выходила книга за книгой Булгакова?

Но он жил. Физически жил. Это радует. Подонкам вообще следует желать здоровья и долголетия. Если их не убили такие же, как они сами, на глазах негодяев обязательно восторжествует то, чему они отчаянно противились. Так им и надо.

ГЛАВА 4

Булгаков и Сталин

*Никогда и ничего не просите!
Никогда и ничего, и в особенно-
сти у тех, кто сильнее вас. Сами
предложат и сами все дадут!*

М. А. БУЛГАКОВ

Знаменитое письмо Правительству

Одна из загадок судьбы Булгакова: почему он не сгинул в ГУЛАГе или в расстрельных подвалах? Ведь уже к 1930 году с ним было практически покончено.

В 1929 году пьесы его были сняты повсюду, и вскоре в выступлении на XVII губернской партконференции драматург Владимир Киришин вел уже борьбу не с самим списанным со счетов Булгаковым, а с «подбулгачниками».

В разгар коллективизации, в запале борьбы с кулаками и подкулачниками слово было рассчитано на мгновенный «классовый» рефлекс. К весне 1930 года, лишенный, по его выражению, «огня и воды», Булгаков дошел до погибельного отчаяния.

Он искал любую работу, пробовал наниматься рабочим, дворником — его не брали даже туда. Он стал думать о том, чтобы застрелиться, носил с собой револьвер.

Расшифрованный Булгаков

18 ноября 1926 года писателя вновь вызвали в ОГПУ. На этот раз с ним беседовал сам начальник 5-го Секретного отдела Рутковский.

В декабре 1930-го пишется и не дописывается стихотворение «Похороны».

В тот же миг подпольные крысы
Прекратят свой флейтиный свист,
Я уткнусь головой белобрысой
В недописанный лист.

Почему ты явился непрощенный,
Почему ты молчал, не кричал,
Почему твоя лодка брошена
Раньше времени на причал?

28 марта 1930 года Михаил Афанасьевич пишет письмо Правительству СССР — на 5 адресов. Что характерно, письмо это дошло до адресатов.

Прочитывая разгромные отзывы на свои произведения, он сообщает: «Я доказываю с документами в руках, что вся пресса СССР, а с нею вместе и все учреждения, которым поручен контроль репертуара, в течение всех лет моей литературной работы единодушно и С НЕОБЫКНОВЕННОЙ ЯРОСТЬЮ доказывали, что произведения Михаила Булгакова в СССР не могут существовать.

И я заявляю, что пресса СССР СОВЕРШЕННО ПРАВА...

Борьба с цензурой, какая бы она ни была и при какой бы власти она ни существовала, мой писательский долг...

И, наконец, последние мои черты в погубленных пьесах «Дни Турбиных», «Бег» и в романе «Белая гвардия»: упорное изображение русской интеллигенции как лучшего слоя в нашей стране... Такое изображение вполне естественно для писателя, кровно связанного с интеллигенцией.

Но такого рода изображения приводят к тому, что автор их в СССР, наравне со своими героями, получает — несмотря

на свои великие усилия СТАТЬ БЕССТРАСТНО НАД КРАСНЫМИ И БЕЛЫМИ — аттестат белогвардейца, врага, а получив его, как всякий понимает, может считать себя конченным человеком в СССР..

Я ПРОШУ ПРАВИТЕЛЬСТВО СССР ПРИКАЗАТЬ МНЕ В СРОЧНОМ ПОРЯДКЕ ПОКИНУТЬ ПРЕДЕЛЫ СССР В СОПРОВОЖДЕНИИ МОЕЙ ЖЕНЫ ЛЮБОВИ ЕВГЕНЬЕВНЫ БУЛГАКОВОЙ.

Я обращаюсь к гуманности Советской власти и прошу меня, писателя, который не может быть полезен у себя, в отечестве, великодушно отпустить на свободу..

Если же и то, что я написал, неубедительно, и меня обрекут на пожизненное молчание в СССР, я прошу Советское Правительство дать мне работу по специальности и командировать меня в театр на работу в качестве штатного режиссера.

Я именно и точно и подчеркнуто прошу о категорическом приказе о командировании, потому что все мои попытки найти работу в той единственной области, где я могу быть полезен СССР как исключительно квалифицированный специалист, потерпели полное фиаско. Мое имя сделано настолько одиозным, что предложения работы с моей стороны встретили испуг, несмотря на то, что в Москве громадному количеству актеров и режиссеров, а с ними и директорам театров, отлично известно мое виртуозное знание сцены.

Я предлагаю СССР совершенно честного, без всякой тени вредительства, специалиста режиссера и автора, который берется добросовестно ставить любую пьесу, начиная с шекспировских пьес и вплоть до сегодняшнего дня.

Я прошу о назначении меня лаборантом-режиссером в 1-й Художественный театр — в лучшую школу, возглавляемую мастерами К.С. Станиславским и В.И. Немировичем-Данченко.

Если меня не назначат режиссером, я прошусь на штатную должность статиста. Если и статистом нельзя — я прошусь на должность рабочего сцены.

Расшифрованный Булгаков

Если же и это невозможно, я прошу Советское Правительство поступить со мной как оно найдет нужным, но как-нибудь поступить, потому что у меня, драматурга, написавшего 5 пьес, известного в СССР и за границей, налицо, в данный момент, — нищета, улица и гибель»¹.

Уже этого письма хватило бы для расстрела. Белогвардеец сам сознается — кто он.

Ответом же был, во-первых, ночной звонок Иосифа Виссарионовича Сталина. «18 апреля часов в 6—7 вечера он прибежал, взволнованный, в нашу квартиру (с Шиловским) на Бол. Ржевском и рассказал следующее. Он лег после обеда, как всегда, спать, но тут же раздался телефонный звонок, и Люба его подозвала, сказав, что это из ЦК спрашивают.

М. А. не поверил, решив, что это розыгрыш (тогда это проделывалось), и взъерошенный, раздраженный взялся за трубку и услышал:

— Михаил Афанасьевич Булгаков?

— Да, да.

— Сейчас с Вами товарищ Сталин будет говорить.

— Что? Сталин? Сталин?

И тут же услышал голос с явно грузинским акцентом.

— Да, с Вами Сталин говорит. Здравствуйте, товарищ Булгаков (или — Михаил Афанасьевич — не помню точно).

— Здравствуйте, Иосиф Виссарионович.

— Мы Ваше письмо получили. Читали с товарищами. Вы будете по нему благоприятный ответ иметь... А может быть, правда — Вы проситесь за границу? Что, мы Вам очень надоели?

(М. А. сказал, что он настолько не ожидал подобного вопроса — да он и звонка вообще не ожидал, — что растерялся и не сразу ответил):

---

¹ Булгаков М.А. Письмо Правительству СССР // Новый мир. 1987. № 8.

Василий Сидоров

— Я очень много думал в последнее время — может ли русский писатель жить вне родины. И мне кажется, что не может.

— Вы правы. Я тоже так думаю. Вы где хотите работать? В Художественном театре?

— Да, я хотел бы. Но я говорил об этом, и мне отказали.

— А Вы подайте заявление туда. Мне кажется, что они согласятся. Нам бы нужно встретиться, поговорить с Вами.

— Да, да! Иосиф Виссарионович, мне очень нужно с Вами поговорить.

— Да, нужно найти время и встретиться, обязательно. А теперь желаю Вам всего хорошего¹.

Встреча Булгакова со Сталиным никогда не состоялась. Тем не менее 19 апреля 1930 года Булгаков был зачислен ассистентом-режиссером во МХАТ.

Судя по всему, эта история широко ходила по Москве, известно по меньшей мере три или четыре версии. У Ю.Б. Елагина приведена такая версия: «Много месяцев ждал Булгаков ответа и уже отчаялся в его получении. Но вот в один из зимних вечеров в конце 1932 года раздался телефонный звонок. Булгаков взял трубку.

— Михаил Афанасьевич Булгаков?

— Да, я у телефона.

— С вами говорит Сталин, — раздался неторопливый низкий голос с легким грузинским акцентом.

— Кто говорит? — переспросил испуганный Булгаков.

— Говорит Сталин, Иосиф Виссарионович. Вы, может быть, не верите? Думаете — смеются над вами? Так вот прошу вас повесить трубку и сейчас же позвонить по телефону «Кремль, номер X». Я буду ждать вашего звонка. — Разговор прервался.

Потрясенный Булгаков вызвал указанный номер и опять услышал тот же голос:

---

¹ Из воспоминаний Е.С. Булгаковой // Булгаков М. Собрание сочинений: В 10 т. Т. 10. — М., 2000. С. 260—261.

— Ну вот, теперь вы уже верите, что с вами говорит Сталин. Я прочел ваше письмо, и я с удовольствием сделаю все, что в моих скромных силах, чтобы вам помочь. Во-первых, никакой травли больше не будет. Я еще имею небольшое влияние (в голосе говорившего слышались нотки мягкого юмора) для того, чтобы эту травлю прекратить. Во-вторых, я завтра скажу, чтобы вас взяли на постоянную службу в Художественный театр. В-третьих, я попрошу Станиславского возобновить вашу пьесу «Дни Турбиных». Я думаю, он не откажется оказать мне эту услугу (Сталин опять слегка усмехнулся). Вас это устроит?..

— Иосиф Виссарионович! Как мне...

— Не благодарите. Пустяки. Рад был с вами поговорить. Всего хорошего. Желаю успеха на новой работе.

На следующий день Булгаков был принят на службу в Художественный театр. А еще через несколько дней были возобновлены в репертуаре «Дни Турбиных»¹.

В этой версии перевернано решительно все — от времени разговора до явно надуманных реплик. Интересно, что об этом говорили.

Приведу еще один документ: письмо Сталина, его ответ В.Н. Биль-Белоцерковскому.

Сей автор в США служил полотером и официантом, а после Февральской революции вернулся в Россию. В СССР он стал автором множества пропагандистских пьес, самая известная из которых «Шторм». Владимир Наумович Биль-Белоцерковский (1885—1970) в 1929 году написал письмо Сталину, обвиняя Булгакова в неприятии советской политики (тоже мне, открыл Америку).

Любопытно, что сын этого воинствующего коммуняка, Вадим Владимирович Белоцерковский (1928—2017), автор слабеньких рассказов и статей о науке и производстве в «Из-

---

¹ Елагин Ю.Б. Укрощение искусств. — М.: Русский путь, 2002. С. 55.

вестиях» и «Смене», сделался «правозащитником» и диссидентом. В 1972-м эмигрировал, трудился на радио «Свобода», а с «перестройкой» восстановил российское гражданство. Он много боролся за... много за что и против чего.

В 2006 году получил гражданство США «за личные заслуги», гордился этим, вел переписку с Бараком Обамой. В 2014 году заявил: «Мне не нужен паспорт страны-изгоя», и отправил паспорт в российское посольство.

Остается удивляться, как многое в жизни людей определяется наследственностью.

Сталин же писал В.Н. Билль-Белоцерковскому:

«т. Билль-Белоцерковский!

Пишу с большим опозданием. Но лучше поздно, чем никогда.

1) Я считаю неправильной самую постановку вопроса о «правых» и «левых» в художественной литературе (а значит, и в театре). Понятие «правое» или «левое» в настоящее время в нашей стране есть понятие партийное, собственно — внутрипартийное. «Правые» или «левые» — это люди, отклоняющиеся в ту или иную сторону от чисто партийной линии. Странно было бы поэтому применять эти понятия к такой непартийной и несравненно более широкой области, как художественная литература, театр и пр. Эти понятия могут быть еще применимы к тому или иному партийному (коммунистическому) кружку в художественной литературе. Внутри такого кружка могут быть «правые» и «левые». Но применять их в художественной литературе на нынешнем этапе ее развития, где имеются все и всякие течения, вплоть до антисоветских и прямо контрреволюционных, — значит поставить вверх дном все понятия. Вернее всего было бы оперировать в художественной литературе понятиями *классового* порядка, или даже понятиями «советское», «антисоветское», «революционное», «антиреволюционное» и т. д.

2) Из сказанного следует, что я не могу считать «головановщину» ни «правой», ни «левой» опасностью, — она лежит за пределами партийных течений. «Головановщина» есть явление антисоветского порядка. Из этого, конечно, не следует, что сам Голованов не может исправиться, что он не может освободиться от своих ошибок, что его нужно преследовать и травить даже тогда, когда он готов распроститься со своими ошибками, что его надо заставить таким образом уйти за границу.

Или, например, «Бег» Булгакова, который тоже нельзя считать проявлением ни «левой», ни «правой» опасности. «Бег» есть проявление попытки вызвать жалость, если не симпатию, к некоторым слоям антисоветской эмигрантщины, — стало быть, попытка оправдать или полуоправдать белогвардейское дело. «Бег», в том виде, в каком он есть, представляет антисоветское явление.

Впрочем, я бы не имел ничего против постановки «Бега», если бы Булгаков прибавил к своим восьми снам еще один или два сна, где бы он изобразил внутренние социальные пружины гражданской войны в СССР, чтобы зритель мог понять, что все эти, по-своему «честные» Серафимы и всякие приват-доценты, оказались вышибленными из России не по капризу большевиков, а потому, что они сидели на шее у народа (несмотря на свою «честность»), что большевики, изгоняя вон этих «честных» сторонников эксплуатации, осуществляли волю рабочих и крестьян и поступали поэтому совершенно правильно.

3) Почему так часто ставят на сцене пьесы Булгакова? Потому, должно быть, что своих пьес, годных для постановки, не хватает. На безрыбье даже «Дни Турбиных» — рыба. Конечно, очень легко «критиковать» и требовать запрета в отношении непролетарской литературы. Но самое легкое нельзя считать самым хорошим. Дело не в запрете, а в том, чтобы шаг за шагом выживать со сцены старую и новую непролетарскую макулатуру в порядке соревнования, путем созда-

ния могущих ее заменить настоящих, интересных, художественных пьес советского характера. А соревнование — дело большое и серьезное, ибо только в обстановке соревнования можно будет добиться сформирования и кристаллизации нашей пролетарской художественной литературы.

Что касается собственно пьесы «Дни Турбиных», то она не так уж плоха, ибо она дает больше пользы, чем вреда. Не забудьте, что основное впечатление, остающееся у зрителя от этой пьесы, есть впечатление, благоприятное для большевиков: «если даже такие люди, как Турбины, вынуждены сложить оружие и покориться воле народа, признав свое дело окончательно проигранным, — значит, большевики непобедимы, с ними, большевиками, ничего не поделаешь», «Дни Турбиных» есть демонстрация всесокрушающей силы большевизма.

Конечно, автор ни в какой мере «не повинен» в этой демонстрации. Но какое нам до этого дело?

4) Верно, что т. Свидерский сплошь и рядом допускает самые невероятные ошибки и искривления. Но верно также и то, что Репертком в своей работе допускает не меньше ошибок, хотя и в другую сторону. Вспомните «Багровый остров», «Заговор равных» и тому подобную макулатуру, почему-то охотно пропускаемую для действительно буржуазного Камерного театра.

5) Что касается «слухов» о «либерализме», то давайте лучше не говорить об этом, — предоставьте заниматься «слухами» московским купчихам.

И. Сталин

2 февраля 1929 г.¹

Как видно, часть произведений Булгакова Сталин искренне считает макулатурой. Другое же — готов принять при условии «нужных» поправок. Третье — просто принима-

---

¹ Сталин И.В. Собрание сочинений в 13-ти тт. Том 11. — М.: Политиздат, 1951. С. 248.

Расшифрованный Булгаков

ет, потому что литература это хорошая. Лучше «идейно правильной».

Минимум два раза Сталин лично вмешивался в судьбу пьес Михаила Афанасьевича.

По словам артиста-вахтанговца О. Леонидова, «Сталин раза два был на «Зойкиной квартире». Говорил с акцентом: хорошая пьеса! Не понимаю, совсем не понимаю, за что ее то разрешают, то запрещают. Хорошая пьеса, ничего дурного не вижу».

В феврале 1932 года Сталин смотрел постановку пьесы А.Н. Афиногенова «Страх», которая ему не понравилась. «...В разговоре с представителями театра он заметил: «Вот у вас хорошая пьеса «Дни Турбиных» — почему она не идет?» Ему смущенно ответили, что она запрещена. «Вздор, — возразил он, — хорошая пьеса, ее нужно ставить, ставьте». И в десятидневный срок было дано распоряжение восстановить постановку...»¹

Лакшин излагает эту историю несколько иначе: «...в 1932 году МХАТу была возвращена давно снятая с афиши пьеса «Дни Турбиных». На спектакле «Горячее сердце» в правительственной комнате за ложей глава театра Немирович-Данченко и обходительный царедворец с изысканными манерами, актер Подгорный, еще недавно встречавший здесь великих князей, принимали теперь кремлевских гостей. В антрактах велись непринужденные разговоры. Сидя на диване перед круглым столиком с цветами, бутылками вина и вазами фруктов и поднося спичку к трубке, вождь обронил, будто невзначай: «А почему давно не идут «Дни Турбиных» драматурга Булгакова?» Слово бы он не знал, точно не слышал того свиста и улюлюканья, под который еще недавно пьеса была снята из репертуара всех театров страны Главреперткомом. Будто не читал в газетах призыва через всю полосу — «Долой

---

¹ Из воспоминаний Е.С. Булгаковой // Булгаков М. Собрание сочинений: В 10 т. Т. 10. М., 2000. С. 293, 329.

булгаковщину!» Будто сам не отвечал 2 февраля 1929 года на эпистолярный донос Билль-Белоцерковского рассудительным увещеванием: «Что касается собственно пьесы «Дни Турбиных», то она не так уж плоха, ибо она дает больше пользы, чем вреда». Рябоватый вождь во френче с прищуром восточных глаз и мудрой улыбкой, прятавшейся в усах, делал вид, что не знает или не хочет знать всего этого, и Подгорный поддержал игру: «В самом деле, давно эту пьесу не давали... Декорации, Иосиф Виссарионович, требуют подновления...» Вождь сел в черную машину с провожатыми и уехал, а Немирович и Подгорный молча переглянулись. Ба! Вот так история! Как прикажете понимать? И на всякий случай порешили выждать. Но долго ждать не пришлось. Не прошло и недели, как в театр позвонил Амель Енукидзе и сказал, что товарищ Сталин интересуется, когда он может посмотреть «Турбиных»? Тут уже Владимир Иванович не поглаживал неторопливо свою красивую бороду. Тут забегали, засуетились, артисты стали вспоминать текст, назначили срочные репетиции, извлекли и подновили начавшие плесневеть и сыпаться в сарае декорации»¹.

Документально подтверждается, что Сталин лично настоял оставить «Дни Турбиных» в репертуаре МХАТа. Из Письма А.В. Луначарского Сталину от 2 февраля 1929 года: «В начале текущего сезона (то есть осенью 1928 года. — В. С.) по предложению Главреперткома Коллегия НКПроса вновь постановила прекратить дальнейшие спектакли «Дней Турбиных», но Вы, Иосиф Виссарионович, лично позвонили мне, предложив снять это запрещение, и даже сделали мне (правда, в мягкой форме) упрек, сказав, что НКПрос должен был предварительно справиться у Политбюро...»

И далее: «Если разного рода безответственные журналисты и демагогствующие молодые люди пытаются вешать со-

---

¹ Лакшин В.Я. Открытая дверь: Воспоминания и портреты. — М.: Моск. рабочий, 1989. С. 423.

бак на НКП за попустительство в отношении «Дней Турбинных», то НКПрос отвечает на это молчанием и охотно несет во всей полноте ответственность за исполняемое им распоряжение Политбюро...»¹

Еще любопытнейший факт: позже, по поводу другой пьесы, «Жизни господина Мольера», старый революционер, председатель только что созданного Комитета по делам искусств при Совнаркомех СССР Платон Михайлович Лебедев с литературным псевдонимом Керженцев (1881—1940) написал докладную записку Сталину и Молотову. Он утверждал: автор «хотел в своей новой пьесе показать судьбу писателя, идеология которого идет вразрез с политическим строем, пьесы которого запрещают». Он предложил поместить в «Правде» резкую редакционную статью о «Мольере» и разобрать спектакль в других органах печати².

Ответа не было вообще. Вождь и учитель не ответил верному клеветру.

Бывало, что Сталин никак не отвечал и на письма Булгакова. На письмо Булгакова Сталину от 30 мая 1931 г.: «...мне закрыт горизонт, у меня отнята высшая писательская школа, я лишен возможности решить для себя громадные вопросы. Привита психология заключенного», Сталин не ответил.

Не ответил он и на жалобу Булгакова на имя Сталина, написанную после отказа отпустить его в поездку за границу 10—11 июня 1934 года.

Тем не менее Сталин ХОТЕЛ, чтобы во МХАТе шли пьесы Булгакова. Почему?

Опять дадим слово Лакшину: «Спектакль этот вообще, можно утверждать бесспорно, больше чем просто нравился Сталину. Он захватывал его. Чем? Можно гадать. Я думаю,

¹ Литературная газета. 1993. 25 апреля.

² Сахаров В. Михаил Булгаков: Писатель и власть. — М.: ОЛМА-Пресс, 2000. С. 439.

как это ни странно прозвучит, каким-то бесспорным и неразменным чувством чести, преданности знамени, имени государя, которые несли в себе все эти растоптанные и давно выметенные за порог истории белые офицеры. Он завидовал им, он восхищался ими. Таковую бы гвардию ему вокруг себя! Нет, кругом предатели, все только ждут, чтобы застать враг-сплох, ударить исподтишка...

Вспоминаю рассказ адмирала Ивана Степановича Исакова, однажды мною слышанный. «Идем мы со Сталиным длинными кремлевскими коридорами, а на перекрестье с другими коридорами стоят охранники и, по внутреннему уставу, встречают и провожают глазами каждого проходящего, пока не передадут его мысленно следующему посту. Я едва успел подумать об этом, а Сталин будто перехватил мою мысль и сказал с желчной ненавистью: «Охраняют... А сами того гляди — пальнут в спину»¹.

Я попытался немного порассуждать о Сталине в другой книге² и здесь этого делать не буду. Скажу кратко — Сталина почти всегда изображают то чем-то вроде архангела, то лютым мерзавцем, который вечно хотел кого-то зарезать. Как прикончил — начинал очень радоваться.

Но если не выдумывать ни архангелов, ни демонов, если попробовать думать о нем как о человеке, прошедшем именно такой жизненный путь, понимать его поступки не так сложно. Если не абсолютно все, то многие.

Конечно, диктатор всегда одинок. Конечно, диктатор всегда хочет быть окруженным верными людьми... А они слишком часто оказываются не такими уж и верными.

Судя по всему, Иосиф Виссарионович вовсе не был таким уж пламенным коммунистом. Вся история его правления —

---

¹ Лакшин В.Я. Открытая дверь: Воспоминания и портреты. С. 429.

² Буровский А.М. Смысл 1937. — М.: Яуза, 2010.